

УДК 1+341.3+316.62

Игорь Александрович Беляев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: igorbelyaev@list.ru

ПРАВО ВОЙНЫ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОДАВЛЕНИЯ ДЕСТРУКТИВНОСТИ МЕЖЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Актуальность разрабатываемой проблемы определяется сочетанием многовековой практики правового регулирования различных аспектов начала, ведения и завершения войны и несформированностью теоретических представлений о праве войны как социальном механизме. *Цель* исследования состоит в философском осмыслении права войны как социального механизма подавления деструктивности, присущей взаимодействию между людьми. *Методы* исследования: диалектический, системный, исторический и герменевтический; их комплексное применение на основе метода экстраполяции обеспечило формирование видения права войны как социального механизма, предназначенного для эффективного препятствования реализации деструктивного потенциала человечества. Основные *результаты* исследования состоят в выработке обобщённых представлений о праве войны, системном механизме и деструктивности в межчеловеческом взаимодействии; концептуализирующем синтезе этих представлений; определении приоритетных направлений философского осмысления перспектив функционирования права войны в современном мире.

Ключевые слова: агрессия, война, глобализация, деструктивность, международное право, право войны, социальный механизм, человечество.

Война неизбежна ... Данное положение обсуждали и с той или иной степенью убедительности обосновывали многие известные мыслители, среди которых философы, учёные, государственные и военные деятели, в частности – Ф.О. Баро [16], К. фон Клаузевиц [17], К. Лоренц [9], А.Е. Снесарев [13], Сунь-Цзы [14], З. Фрейд [18] и Х. Хофмайстер [15]. Избавиться от войны и, соответственно, от её последствий, полностью и окончательно нельзя. Более или менее отчётливо осознавая это, человечество, однако, во все времена стремилось по мере возможности защитить себя хотя бы от некоторых негативных проявлений войны. Выработанные в связи с этим запреты и предписания, касающиеся широкого круга вопросов, связанных с началом войны, её ведением и завершением, нашли концентрированное выражение в праве войны [3 и др.].

Сегодня право войны, формирование которого началось ещё в далёкой древности, является атрибутом социально-политической стороны жизни человечества. Известно множество междисциплинарных и междисциплинарных исследований, совокупные результаты которых позволяют специалистам обсуждать специфику представлений о праве войны, сложившихся к настоящему времени. Нельзя, тем не менее, не признать, что ряд положений, де-факто являющих собой элементы теоретической основы современного права войны, нуждаются в дальнейшей разработке, в том числе с философских позиций.

В частности, обобщение обширных эмпирических данных позволяет предположить, что право войны допустимо трактовать как специфический социальный механизм, осуществляющий регулятивную функцию применительно к большому количеству процессов и явлений, сведения о которых

составляют содержание понятия войны в его самом широком смысле. В получивших известность теоретически состоятельных трудах, посвящённых тем или иным проблемам войны и права, иногда можно «между строк» усмотреть нечто похожее на признаки того, что авторы мыслят право войны именно как социальный механизм. Тем не менее, чёткого, однозначного обозначения и обоснования такой авторской позиции в этих трудах не обнаруживается.

С юридической точки зрения право войны представляет собой раздел (отрасль) права как такового. Содержательное наполнение этого раздела права призвано определять особенности взаимоотношений государств (или иных социальных образований), вступивших или вступающих в войну между собой. Объектную сферу данного раздела составляют, с одной стороны, ограничение средств и методов ведения боевых действий и, с другой стороны, защита жертв войны.

В идеальных случаях субъекты межгосударственных и внутригосударственных отношений, следующие букве и духу сложившихся правовых норм, прибегают к силе оружия только тогда и настолько, когда и насколько это допустимо. В таких случаях не возникает по-настоящему серьёзных проблем с соблюдением прав мирного населения и участников боевых действий, причём не только законных, но и незаконных. В реальной жизни, правда, случаи, похожие на идеальные, встречаются весьма нечасто. Тем не менее, даже не вполне корректное, эпизодическое соблюдение норм права войны непременно оказывает сколь-нибудь заметное позитивное влияние на развёртывающиеся военные конфликты, способствуя минимизации их разрушительных последствий.

Надо подчеркнуть, что само по себе право войны не отменяет военные конфликты и не делает их по-настоящему гуманными. Однако его функционирование, обеспечивающее осуществление политического контроля за использованием различных вооружённых формирований, удерживает конфликтующие стороны от проявления бессмысленного насилия и варварского стремления нанести наибольший ущерб противнику, тем самым избавляя множество людей от душевно-телесных страданий и материальных потерь.

Выстраивание чётких представлений о праве войны как социальном механизме невозможно без понимания того, какое значение следует придавать понятиям «механизм» и, соответственно, «социальный механизм».

Всякий механизм, вне зависимости от чего бы то ни было, допустимо определить как составляющую целостного, относительно самостоятельного фрагмента действительности, обеспечивающую реализацию присущего ему потенциала. О том, что механизм работает, можно судить по наличию такого взаимодействия различных частей соответствующего целого, которое приводит к ожидаемому результату.

Социальным должен быть признан механизм, делающий возможным устойчивое функционирование какого-либо социального целого посредством инициирования и поддержания его институционализированных и неинституционализированных, собственно социальных, политических, экономических и культурных составляющих.

Стоит также обратить внимание на то, что к числу специфических черт социального механизма относится сочетание системности и процессуальности [5]. При этом любой механизм подобного рода человекообразен. Иначе говоря, он в каждый момент своего существования соответствует специфике естества человека, включённого в исключительно сложную, и, что важно в контексте настоящего исследования, не всегда гармонично выстроенную систему взаимодействия с другими людьми.

Успешному раскрытию специфики конкретного социального механизма может способствовать использование понятий «общественный интерес», «индивидуальный интерес», «социальные технологии». Исследователи должны учитывать, что люди, непосредственно причастные к работе того или иного социального механизма, обладают интересами, имеющими как индивидуальный, так и общественный характер. Диалектика индивидуального и общественного в человеческих интересах определяет востребованность потенциала социального механизма и оптимальную меру его актуализации в сложившейся ситуации. Вести речь о социальных технологиях имеет смысл тогда, когда обсуждается набор функций компонентов конкретного социального механизма, реализация которых предполагает

совершение людьми алгоритмизированных действий.

Функционирование социального механизма как системы являет собой единство процессов, которые в его контексте имеют либо специфическую, либо неспецифическую, то есть общесоциальную значимость. Применительно к праву войны специфически значимыми оказываются процессы, непосредственным образом обеспечивающие воплощение бытующих юридических норм в должном социальном результате. Общесоциальная значимость присуща многим иным процессам, развёртывающимся параллельно со специфически значимыми процессами, тесно сопряжёнными с ними в пространственно-временном и содержательно-смысловом отношениях и способствующими их эффективному протеканию.

К числу специфических процессов, развёртывающихся в рамках функционирования права войны как социального механизма, следует отнести: 1) установление и легитимизацию абстрактных норм права; 2) воплощение в жизнь юридической силы этих норм применительно к конкретным случаям деструктивного межчеловеческого взаимодействия. Неспецифические же процессы, в свою очередь, включают в себя множество экономических, политических, демографических, этноконфессиональных, климатогеографических и иных составляющих.

Право как таковое представляет собой системный социальный механизм; по отношению к нему каждый его раздел выступает парциальным социальным механизмом. Соответственно право войны допустимо признать парциальным социальным механизмом, функционирование которого сопряжено с определёнными процессами и явлениями, характерными для межчеловеческого взаимодействия. Специфика права войны как парциального социального механизма проистекает из того, что его функции в конечном итоге ориентированы на то, чтобы подавить, по возможности, деструктивные составляющие межчеловеческого взаимодействия, создавая тем самым предпосылки для эффективной реализации его конструктивных составляющих.

Стоит заметить также, что неперенным условием функционирования права войны как социального механизма является целенаправленная деятельность субъектов права. Интересы и цели этих субъектов могут различаться, подчас кардинально, в связи с чем гармонический характер межсубъектных отношений будет здесь скорее исключением, чем правилом.

Далее имеет смысл уточнить, в чём заключаются различия между конструктивными и деструктивными составляющими межчеловеческого взаимодействия. Конструктивные составляющие этого взаимодействия более или менее гармонично сочетаются как с результатами ранее протекавших со-

циально значимых процессов, так и с содержанием процессов, развёртывающихся в текущий момент. Здесь имеет место принципиальная ориентированность на плодотворную созидательность, привлечение во взаимодействие между людьми того, что почти наверняка будет востребовано ими если не в настоящем, то в будущем. Деструктивные составляющие применительно к тем социально значимым процессам и их результатам, с которыми они входят в контакт, едва ли не в каждом случае оказываются разрушительными факторами, способствующими упадку, распаду, снижению качества структур и функций, сопряжённых с сущностью и атрибутами выстраивающегося межчеловеческого взаимодействия.

Деструктивное во взаимодействиях между людьми может быть охарактеризовано посредством применения таких понятий, как «жестокость» и «агрессивность».

Согласно Э. Фромму, деструктивность и сопутствующая ей жестокость представляют собой врождённые качества человека – единственного живого существа, которому убийство и созерцание страданий могут приносить удовольствие. Человек, по его мысли, проявляет деструктивность как злокачественную агрессию вне зависимости от того, есть ли реальная угроза его собственному существованию и полноценному удовлетворению потребностей. Фромм выделяет также доброкачественную агрессию, которая, в отличие от противопоставляемой ей злокачественной, ассоциируется с сохранением жизни человека. Доброкачественная агрессия может выступить в инструментальном виде; её цель в данном случае состоит в обеспечении желательного и необходимого субъекту действия. Частным и, вместе с тем, важнейшим случаем такой агрессии данный автор полагает войну. Что же касается представлений о связи подлинных причин войны с врождённой деструктивностью человека, то их Фромм признаёт абсурдными. Начинать и продолжать войну, то есть проявлять агрессию самым очевидным образом, людей побуждают, прежде всего, экономические интересы, тщеславие и карьерные устремления, почтение и страх перед авторитетом и т.д. [19].

Допустимость трактовки права войны как социального механизма подавления деструктивности межчеловеческого взаимодействия является ключевым моментом настоящего исследования. Поэтому нельзя не коснуться некоторых оснований, позволяющих трактовать право войны именно так. Во-первых, право войны, будучи вписанным в исторический процесс, несёт в себе образ прошлого, в обобщённом виде выражает реалии настоящего и предвосхищает некоторые черты будущего, являя собой один из действенных механизмов жизнеобеспечения человечества. Во-вторых, данный раздел права – это постоянно совершенствую-

щийся механизм, оказывающий непосредственное и опосредованное целенаправленное воздействие на множество разнообразных и разномасштабных социальных процессов. В-третьих, в рамках рассматриваемого раздела права фиксируются положения о методах, формах и средствах подавления типичных для военных конфликтов вариантов злокачественной агрессии с вполне предсказуемым и достаточно устойчивым эффектом.

Что же касается конкретных проявлений деструктивности межчеловеческого взаимодействия, препятствовать которым призвано право войны, то к их числу следует в первую очередь отнести военные действия как таковые (если не все без исключения, то хотя бы те, которые с достаточным основанием могут быть признаны совершаемыми в рамках несправедливой войны). Здесь же надо упомянуть разнообразные действия каких-либо вооружённых формирований воюющих государств, отдельных военнослужащих и гражданских лиц, властных структур, действующих на собственной и/или оккупированной территориях, а также действия воюющих и невоюющих государств по отношению друг к другу.

Непосредственно обращаясь к историческому измерению действия права войны как социального механизма подавления деструктивности межчеловеческого взаимодействия, надо учитывать невозможность установления момента его возникновения. Дело в том, что зачатки права войны в виде законов и обычаев её ведения появились ещё в доисторический период, когда документальная фиксация происходящего не существовала. Однако уже в самых ранних литературных памятниках человечества (древнеиндийские, древнекитайские, древнеиудейские, древнегреческие, хеттские и иные тексты) излагаются представления о должном порядке осуществления военных действий. Вплоть до наших дней эти представления систематизировались, легитимизировались, легализовывались, усложнялись и детализировались, трансформируясь в соответствие с вновь возникающими социальными реалиями.

Далее вполне логичным представляется переход к общемировой тенденции к повышению конструктивности и снижению деструктивности межчеловеческого взаимодействия. Существует ли такая тенденция в действительности? Надо полагать, что утвердительный ответ на этот вопрос будет иметь полное право на существование. Здесь имеет смысл упомянуть, например, хорошо известную специалистам, неоднократно переиздававшуюся монографию А.П. Назаретяна, содержащую идеи, которые могут выступить в роли весомых аргументов в пользу представлений подобного рода [11]. Впрочем, указанную тенденцию ни в коем случае не стоит абсолютизировать. В частности, в той же монографии описываются случаи эпизодического

«реванша» деструктивности в её «борьбе» с конструктивностью. При этом Назаретян вполне резонно утверждает, что «современное оружие в сочетании с первобытным мышлением грозит племенам самоубийственными последствиями» [11, с. 109].

Не стоит, разумеется, культивировать заблуждения относительно того, что монополия на «флуктуации деструктивности» принадлежит обществам, получившим извне принципиально новые для них технологии двойного назначения и посредством их применения существенным образом сократившим количество своих членов. Так, современные США трудно упрекнуть в цивилизационной, технико-технологической отсталости. Тем не менее, именно эта страна в конце XX- начале XXI вв. продемонстрировала устойчивую склонность к деструктивности; события, в рамках которых массово гибли ни в чём не повинные люди, не являющиеся, правда, американцами, получили широкую известность.

Однозначное утверждение о наличии жесткой причинно-следственной связи между становлением права войны и снижением деструктивности межчеловеческого взаимодействия было бы как минимум поспешным. Однако временное совпадение двух этих процессов, обеспечивающее их взаимное влияние, вполне очевидно.

Важным, да и абсолютно неизбежным условием выступления права войны в роли социального механизма подавления деструктивности межчеловеческого взаимодействия в наше время является глобализация. Если, вслед за А.А. Зиновьевым, признать феномен глобализации мировой войной нового типа [6], то следующим шагом исследователей может (и, надо полагать, должно) стать многомерное философское осмысление сложившегося положения вещей, а также тенденций его изменения.

Так, при осуществлении философского поиска нельзя обойти вниманием то, что глобализация оказывает негативные воздействия на правовую составляющую жизни человечества. Результат воздействий такого рода, по мысли В.В. Миронова, представляет собой деформацию «взаимоотношений между национальной и международной системами права» [10, с. 99]. Эта деформация является, надо полагать, оборотной стороной выхода на авансцену мировой истории глобального тоталитаризма в лице США, уверенно вытесняющего с неё любые силы, не склонные к роли заведомого аутсайдера и/или клеветы. Национальная система права данного государства имеет заметный успех в подавлении альтернативных систем права, как международной, так и большинства национальных.

Сегодня популярностью пользуются рассуждения о том, что международное право перестало существовать как нечто реально действующее. В частности, едва ли не общим местом стало указание на то, что международно-правовая регуляция

вопросов, отражающих специфику отдельных эпизодов начала военных действий, их осуществления и прекращения, во многих случаях оказывается весьма затруднительной. Тем не менее, обсуждение необходимости отказа от права войны в связи с его бесплодностью представляется не только преждевременным, но и бессмысленным. Перефразируя высказывание гражданина США, выдающего литератора XIX- начала XX вв. Марка Твена, стоит выразить надежду на то, что слухи о смерти права войны сильно преувеличены.

Право войны – это социальный механизм, сложившийся исторически и, в целом, отражающий и выражающий насущную потребность человечества в препятствовании протеканию деструктивных процессов соответствующего рода, качественной и количественной минимизации их негативных последствий. Отказ от права войны станет актом, противоестественным для человечества вне зависимости от того, в интересах какой его части он будет совершён. Сейчас, как и в обозримом будущем, человечеству необходим социальный механизм, на деле препятствующий реализации его собственного деструктивного потенциала.

Рассматривая перспективы выступления права войны в роли социального механизма подавления деструктивности, присущей взаимодействию между людьми, надо обязательно учесть то, что многие устоявшиеся представления о войне в наши дни явно устарели. Не обращать внимания на качественно новые признаки, свойственные войнам, имеющим место в последнее время, не только бессмысленно, но и пагубно.

Жизненной реальностью текущей эпохи стала «гибридная война» [20]. Игнорировать это при осуществлении социально-гуманитарных исследований де-факто невозможно, что нашло отражение в трудах ряда отечественных авторов [1; 2; 4; 7; 8; 12 и др.]. Так, Н.А. Комлева с полным основанием связывает гибридные войны с абсолютным сокращением общества-соперника, то есть с разрушением присущих ему геополитических пространств. Она указывает на многообразие акторов таких войн, в число которых входят не только государства, но и корпорации, как глобальные, так и транснациональные, различные межгосударственные и надгосударственные институты, а также неправительственные организации [8]. Стоит также заметить, что в арсенале гибридных войн присутствуют (могут присутствовать) многие технологии, разработанные, казалось бы, для решения исключительно мирных задач. Нет сомнения в том, что данные обстоятельства существенным образом усугубляют проблемность подавления деструктивности межчеловеческого взаимодействия посредством реализации положений права войны.

Анализ разнородной и разнохарактерной информации, осуществлённый в процессе проведения на-

стоящего исследования, свидетельствует о том, что перспективными направлениями дальнейшего философского поиска допустимо признать, в частности: упорядочивание и детализацию представлений о соотношении общественного и индивидуального в интересах людей (прежде всего, политических, экономических, культурных и иных элит), каким-либо образом вовлекающихся в процессы военного разрешения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов; осмысление опыта применения специфических и неспецифических социальных технологий для целенаправленной трансформации общественного мнения в ситуациях угрозы войны

и её реального развёртывания; уточнение того, кто в современном мире может и должен быть отнесён к числу субъектов права войны, что следует отнести к сферам компетенции каждого из них, как надо выстраивать взаимодействие между ними, какой должна быть санкционная политика международного сообщества по отношению к ним; раскрытие перспективных путей оптимизации процессов сопряжённого функционирования национальных и международной систем права в условиях глобализации; выявление особенностей и тенденций трансформации гибридной войны применительно к проблеме её международно-правового регулирования.

Литература

1. Бартош, А.А. Парадигма гибридной войны / А.А. Бартош // Вопросы безопасности. – 2017. – № 3. – С. 44-61.
2. Белозеров, В.К. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе / В.К. Белозеров, А.В. Соловьев // Власть. – 2015. – № 9. – С. 5-11.
3. Беляев, И.А. Право войны: к содержанию понятия / И.А. Беляев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 9. – С. 86-90.
4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: [коллективная монография] / [Ачкасов В.А. и др.]; под ред. П.А. Цыганкова. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 2015. – 381 с.
5. Дидковская, Я.В. Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе: автореф. дис. на соиск. учён. степ. док. социол. наук: 22.00.04 / Я.В. Дидковская. – Екатеринбург, 2017. – 39 с.
6. Зиновьев, А.А. Глобализация есть новая мировая война [Электронный ресурс] / А.А. Зиновьев. – Режим доступа: <http://www.anti-glob.narod.ru/sbornik/zin1.htm> – (дата обращения: 11.11.2017).
7. Иванов, А.П. Гибридная война / А.П. Иванов // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. – 2016. – № 1 (16). – С. 65-73.
8. Комлева, Н.А. Гибридная война: сущность и специфика / Н.А. Комлева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 3 (167). – С. 128-137.
9. Лоренц, К. Агрессия (так называемое зло) / К. Лоренц. – Санкт-Петербург: Амфора, 2001. – 349 с.
10. Миронов, В.В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации / В.В. Миронов // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 2. – С. 99-107.
11. Назаретян, А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – Москва: АРГАМАК–МЕДИА, 2017. – 512 с.
12. Першин, Ю.Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация / Ю.Ю. Першин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1. – № 1 (67). – С. 80-88.
13. Снесарев, А.Е. Философия войны / А.Е. Снесарев. – Москва: Финансовый контроль, 2003. – 286 с.
14. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы. – Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург: TerraFantastica, 2002. – 560 с.
15. Хофмайстер, Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / Х. Хофмайстер. – Санкт-Петербург: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. – 288 с.
16. Barot, F.O. Philosophie de l'histoire / F.O. Barot. – Paris: GermerBaillière, 1864. – 244 p.
17. Clausewitz, C. von. On war / C. von Clausewitz. – London etc.: Penguin books, 1982. – 460 p.
18. Einstein, A. Warum Krieg? / A. Einstein, S. Freud. – Paris: Internationales Institut für Geistige Zusammenarbeit (Völkerbund), 1933. – 62 p.
19. Fromm, E. The Anatomy of Human Destructiveness / E. Fromm. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. – 521 p.
20. Hoffman, F.G. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars / F.G. Hoffman. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.